

Уровни социального участия граждан «серебряного» возраста и факторы его активизации в российском регионе (по материалам исследования в Свердловской области)

М. В. Певная¹Е. А. Шуклина¹Т. С. Киенко² ✉

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

² Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

✉ tskienko@srfedu.ru

Аннотация

Введение. Качество жизни людей «серебряного» возраста связано не только с психологическим, экономическим и физическим благополучием, но и с особенностями межличностных отношений, разнообразием их социальной активности. Получающая повсеместное распространение идеология активного или «отложенного старения» актуализирует изучение природы включенности пожилых граждан в различные практики социального участия, наполняющие их повседневную жизнь. Цель исследования – раскрыть уровневые характеристики социального участия граждан «серебряного» возраста Свердловской области и факторы, их обуславливающие.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили данные опроса жителей Свердловской области старше 60 лет. Выборка структурирована по полу, возрасту и месту проживания респондентов (тип поселения). Использована авторская методика опроса, направленная на выявление видов и частоты, уровней и типов социального участия пожилых уральцев, определение факторов, способствующих или препятствующих активности в старшем возрасте.

Результаты исследования. Исследование показало, что социально-потребительское участие, характеризующееся деятельностью «для себя», и коллективное, направленное на социальную инклюзивность «вместе с другими» составляют основное содержание социального участия анализируемой когорты. Включенность пожилых в практики, направленные на помощь и заботу («для других»), заметно ниже, а радикальное снижение активности пожилых уральцев выявлено при переходе к «гражданскому участию». Доказано, что интенсивность социального участия граждан «серебряного» возраста в городах выше, чем в сельской местности. Исключением является только включенность в практики гражданской активности. Такое же влияние оказывает на интенсивность разных практик социального участия всех уровней статус проживания, наличие ближайших родственников и частота использования интернета.

Обсуждение и заключение. Выявление уровней и факторов социального участия пожилых граждан формирует доказательную информационную базу о процессах активного старения в одном, но достаточно типичном российском регионе. Результаты исследования доказывают

© Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

актуальность фокусировки региональной социальной политики старения и некоммерческого сектора на активизацию социального участия людей и групп «серебряного» возраста. Статья может представлять интерес для региональной власти, учреждений социальной защиты и обслуживания, регионального некоммерческого сектора, предлагая инструменты разработки и реализации эффективной социальной политики старения, направленной на поддержку социального участия старшего поколения.

Ключевые слова: социальное участие, уровни социального участия, инклюзивный подход, социальная общность, граждане старшего (пожилого, «серебряного») возраста, Свердловская область

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) в Южном федеральном университете.

Для цитирования: Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С. Уровни социального участия граждан «серебряного» возраста и факторы его активизации в российском регионе (по материалам исследования в Свердловской области) // Регионология. 2024. Т. 32, № 3. С. 584–601. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.584-601>

Levels of Social Participation among Silver-Age Citizens and Factors of its Activation in the Region of Russia (Case of the Sverdlovsk Region)

M. V. Pevnaya^a, E. A. Shuklina^a, T. S. Kienko^b ✉

^a Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation)

^b Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

✉ tskienko@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The quality of life of silver-age people is associated not only with psychological, economic and physical well-being, but also with the peculiarities of interpersonal relations and the diversity of their social activity. The widespread ideology of active or “delayed aging” actualizes the study of the nature of inclusion of elderly citizens in various practices of social participation that fill their daily lives. The aim of the study is to reveal the level characteristics of social participation of citizens of silver age in the Sverdlovsk Oblast and the factors that determine them.

Materials and Methods. The article analyses the data from the survey of residents of the Sverdlovsk Region over the age of 60, the sample is structured by gender, age, and place of residence of the respondents (type of settlement). The authors’ survey method was used to determine the nature and frequency, level and type of social participation of the Urals elderly, to identify factors that contribute to or impede activity in old age.

Results. The study showed that socio-consumer participation characterized by activities “for oneself” and collective participation aimed at social integration “together with others” constitute the main content of social participation of the studied cohort. The participation of the elderly in the practices aimed at helping and caring (“for others”) is significantly lower, and a radical decrease in the activity of the elderly Urals residents is revealed when they switch to “civic participation”. It has been proved that the intensity of social participation of silver-age citizens living in cities is higher than in rural areas. The only exception is participation in civic activities. The same influence on the intensity of the different practices of social participation at all levels is exerted by the status of residence (independent or in a residential institution), the presence of close relatives and the frequency of Internet use.

Discussion and Conclusion. The identification of the levels and factors of social participation of older citizens creates an evidence base on the processes of active aging in a typical Russian region. The results of the study demonstrate the relevance of focusing regional social policy on aging and the non-profit sector on increasing the social participation of people and groups of the “silver” age. The article may be of interest to regional authorities, social protection and service institutions, the regional non-profit sector, offering tools for the development and implementation of effective social aging policies aimed at implementing resources and supporting the social participation of the older generation.

Keywords: social participation, levels of social participation, inclusive approach, social community, older (silver-age) citizens, Sverdlovsk Region

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) at the Southern Federal University.

For citation: Pevnaya M.V., Shuklina E.A., Kienko T.S. Levels of Social Participation among Silver-Age Citizens and Factors of its Activation in the Region of Russia (Case of the Sverdlovsk Region). *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):584–601. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.584-601>

Введение. Потенциал социального участия граждан «серебряного» возраста в настоящее время далеко не полностью изучен и раскрыт в имеющейся литературе и исследовательской практике. Соответственно, ресурсы активности старшего поколения не всегда находят применение в различных сферах жизни общества. Во многом это касается и социокультурного развития территорий российских регионов, городов. Далеко не всегда понятно, как включение данной возрастной когорты в процессы социальных изменений способствует региональному развитию или решению текущих проблем местных сообществ, с одной стороны, и повышению качества жизни самих пожилых людей и их окружения – с другой.

Качество жизни людей «серебряного» возраста обусловлено не только состоянием здоровья, экономического или эмоционального благополучия, но и качеством межличностных отношений, характером занятости, включенности в разные сферы жизнедеятельности. Ключевую роль играют социальные детерминанты – социальные связи, условия проживания, общения, занятости, социального взаимодействия через различные практики социального участия [1; 2]: от коммуникации с ближайшим окружением (семья, друзья, соседи) до включенности в общественно-политические процессы территориального развития.

Поддержание определенного статуса включенности граждан пожилого возраста в различные практики социального участия зависит от целого ряда факторов. В этом плане идеология активного или «отложенного старения» [3] как многоуровневого социетального, социального, индивидуального процесса зависит от государства, бизнеса, институтов гражданского общества, семьи и самого человека [4]. Понимание природы и динамики социальной активности пожилых россиян – важная научная и практико-ориентированная задача.

Цель исследования – раскрыть уровневые характеристики социального участия граждан «серебряного» возраста Свердловской области и факторы, их обуславливающие. На материалах опросов людей старшего возраста Свердловской области решаются две задачи: 1) выявление уровня сформированности и вариативности практик социального участия пожилых людей, их содержательного, смыслового наполнения; 2) поиск оснований для выработки управленческих решений, нацеленных на интеграцию разных форм самоорганизации людей пожилого возраста в социум и институциональные структуры с целью поддержки в социальной сфере и помощи в реализации потенциала старшего поколения.

Обзор литературы. Увеличение продолжительности жизни и высокие темпы роста возрастных групп старше 65 лет – общемировой тренд, который фиксируется в зарубежных¹ и российских статистических источниках². Эти процессы становятся значимым фактором социальных трансформаций XXI в., изменений институциональных структур обеспечения занятости, социальной поддержки и социальной активности этих возрастных групп. В ответ на складывающиеся демографические тенденции в последние десятилетия все больше проявляется гуманистический тренд, наметившийся в изучении проблем старения общества. При этом стереотипы социальной пассивности и депривации людей старшей возрастной группы как проявления геронтологического эйджизма³ [5; 6] мешают воспринимать их как активных субъектов социальных изменений в контексте политики активного старения [7; 8].

Либерализация старения предполагает переход от эксклюзии к инклюзии⁴, поиск новых социальных моделей старения при отказе от негативных стереотипов старости⁵, социальное конструирование новых смыслов старения на гуманистических основаниях⁶ [9], новых представлений о субъектности серебряной общности, ее социальной активности, социальном участии. При этом явно недостаточно исследований, которые дифференцировали бы эту общность по уровням и факторам социального участия с учетом специфики процессов старения.

Определение понятия социального участия в пожилом возрасте сочетает несколько идей: совместность использования ресурсов в значимой для людей деятельности [10; 11]; их взаимодействие на индивидуальном, групповом и коллективном уровнях [12–14]; многообразии сфер взаимодействия (социальная, хозяйственная, культурная, духовная, гражданская). Социальное участие людей старшего возраста интерпретируется нами как совместное использование ресурсов в различных видах деятельности, формах и уровнях в публичных и непубличных пространствах и отношениях [15, с. 231].

Вопросы типологизации социального участия людей третьего возраста эффективно решаются через анализ уровней вовлеченности [16; 17], инициативности и активности [18], сочетания целей и ресурсов участия [10]. Б. Пишкур и соавторы отделяют социально-потребительское участие от таких понятий, как расширение прав и возможностей, социальная инклюзия и участие [19]. На основе интеграции этих подходов в статье предлагается авторская концепция (Т. С. Киенко) типологизации социального участия «серебряной» общности

¹ Estimating Age-Specific Fertility Rate in the World Population Prospects: A Bayesian Modelling Approach. Technical Paper / F. Chao [et al.]; United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division UN DESA/POP/2023/TP/No. 6. New York, 2023. 37 p.

² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 05.02.2024)

³ Palmore E. B. Ageism: Negative and positive, 2nd ed. New York : Springer. 1999. 288 p.

⁴ From Exclusion to Inclusion in Old Age: A Global Challenge / eds. by N. Scharf, N. C. Keating. Bristol, UK : Polity Press, 2012. 192 p. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781847427731.001.0001>

⁵ Vincent J. A. Old Age. London ; New York : Routledge, 2003. 208 p. <https://doi.org/10.4324/9780203449929>

⁶ Handbook of Theories of Aging / eds. by V. L. Bengtson [et al.]. 2nd ed. New York : Springer, 2009. 516 p.

с выделением четырех типов: социально-потребительское участие «для себя» как приобретение ресурсов для достижения собственных лично значимых целей; коллективное участие направлено на социальную инклюзивность и самореализацию в процессе создания и использования ресурсов «вместе с другими»; продуктивное (помогающее) участие – на воспроизводство ресурсов, помощь и заботу «для других»; гражданское участие – на производство, передачу и перераспределение ресурсов «для социальных изменений».

Исследователи выделяют гендерные особенности реализации жизненных стратегий пожилых мужчин и женщин, отличия в их ролевом поведении, формировании новых идентичностей, восприятия жизненного пути [20]. Существенное влияние на жизнедеятельность и мироощущение пожилых людей оказывает цифровая трансформация, развитие цифровой грамотности [21], цифровизация волонтерской деятельности как способа преодоления социальной исключенности данной возрастной когорты [22]. Выделяют и влияние на пожилых граждан разного социального контекста жизнедеятельности в городе и сельской местности [23]. Ключевым фактором социальной активности пожилых граждан выступает трудовая активность и профессиональная занятость [23–25], в том числе для сохранения персонального благосостояния после достижения пенсионного возраста [26].

Еще один важный маркер жизнедеятельности пожилых граждан – семейный статус, наличие родных и близких людей, способных не только включать престарелых родственников в свой жизненный контекст взаимодействия, но и предоставлять уход, компенсируя пробелы и снимая нагрузку с системы социального обслуживания [27]. Культура заботы в этом смысле становится результатом и процессом формирования практик социального участия пожилых с вовлечением их родственников в деятельность некоммерческого сектора [28]. Некоммерческий сектор в российских регионах – реальная инфраструктура гражданского участия поколения «серебряного» возраста. Вовлеченность в волонтерство дает возможность пожилым одновременно решать свои экзистенциальные проблемы и быть сопричастными к проблемам общества, создавать новые сообщества и взаимодействовать с местными властями для продвижения своих идей, способствуя преодолению социальной исключенности [29]. При этом важно отметить, что значительное место в российской социальной практике занимают «невидимые», повседневные неформальные коммуникации и взаимодействия людей старшего возраста в семейном, дружеском, соседском («ближнем») кругу, где в числе прочего сами старшие оказывают помощь и проявляют заботу.

Материалы и методы. Проведение опроса осуществлялось с опорой на авторский инструментарий и методику. Анкета включала 38 преимущественно полуоткрытых вопросов, направленных на выявление видов, частоты, уровней, факторов активности в старшем возрасте в связке с ключевыми характеристиками статусов респондентов. Программа исследования и инструментарий прошли апробацию и экспертизу, с мая по сентябрь 2023 г. велся сбор эмпирических данных. Анкета распространялась по двум каналам: формальному (через специалистов региональных учреждений социального обслуживания, здравоохранения, сферы культуры) и неформальному (через сотрудников региональных и местных

некоммерческих организаций, специализирующихся на работе с гражданами «серебряного» возраста, студентов, инициативных и неравнодушных граждан). В ходе исследования в Свердловской области был проведен опрос 690 жителей разных муниципальных образований региона от 60 до 98 лет по квотной выборке (доверительная вероятность 95 %, ошибка менее 5 %) в соответствии с квотами, отражающими ключевые параметры генеральной совокупности пожилых уральцев⁷. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству. Выборка структурирована по полу (36 % мужчин и 64 % женщин), возрасту (33 % респондентов в возрасте 60–64 лет, 34 % – 65–69 лет, 33 % – старше 70 лет) и месту проживания респондентов (85 % жителей городской и 15 % – сельской местности, согласно региональным распределениям).

В авторской методологии интегрированы подходы М. Левассер [11; 16], Э. Берри [18], А. Букова [10], Б. Пишкур [19]. Нами были выделены сферы, направленность деятельности, фиксировалась интенсивность (частота) социального участия. В методической базе исследования заложен инклюзивный подход к выделению уровней участия по типологии М. Левассер через выявление практик, характеризующих разную степень социальности пожилых людей. Уровни социального участия были дифференцированы от подготовки к взаимодействиям (1-й уровень) и формальной причастности (2-й уровень) к общению и взаимодействиям в повседневных практиках (3-й и 4-й уровни) и далее к помогающему поведению и гражданской активности (5-й и 6-й уровни). Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета программного обеспечения IBM SPSS Statistics 26. Статистическая значимость определялась с помощью коэффициентов корреляции Спирмана, Н-теста Краскала – Уоллиса.

Результаты исследования. Рассмотрим уровневые характеристики социального участия людей старшего возраста. К *1-му уровню (подготовка к общению)* относится уход за собой перед встречей с другими, приготовление пищи для своей семьи или угощений в ожидании гостей как формы подготовки к общению, просмотр телевизора, чтение книг, досуг, интеллектуальное развитие самостоятельно в целях обмена этими знаниями с другими и причастности к социальной жизни. На вопрос «Как часто Вы принимаете участие в подготовке к взаимодействиям с другими людьми (приготовление к встречам, покупки в магазинах, уход за жильем и пр.)?» лишь 6 % ответили «никогда», 94 % опрошенных старше 60 лет хотя бы изредка реализуют практики участия 1-го уровня, причем 74 % делают это не реже 1 раза в месяц (табл. 1). Интенсивность участия, варьируясь от 0 (никогда) до 5 (постоянно) в среднем составляет 3,4 балла.

2-й уровень (формальное нахождение с другими) – самостоятельный поход в кино, церковь, магазин, на прогулку для собственных целей, коммуникации в рамках текущих дел и задач, формальное членство в сообществах; присутствие на мероприятиях, обсуждениях, наблюдение за выполнением другими текущих дел. Включенность в практики участия 2-го уровня замерена по трем

⁷ Статистический портрет пенсионера Свердловской области [Электронный ресурс] // Социальный фонд России : сайт. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/sverdlovsk/news/~2022/09/30/239639> (дата обращения: 05.02.2024).

переменным: самостоятельность посещения учреждений для решения текущих задач (социальные и бытовые сервисы, больницы, коммунальные службы); самостоятельные прогулки; посещение учреждений для отдыха, развития, досуга (парки, музеи, театры, выставки и другие образовательные, спортивно-оздоровительные, культурно-досуговые учреждения). Большинство опрошенных пожилых людей (94 %) включаются в формальное нахождение с другими, из них 64 % регулярно. Прогулки совершают 91 % информантов (76 % на регулярной основе), в культурно-досуговую деятельность включены 90 % (51 % постоянно). В среднем практиками участия второго уровня охвачены 92 % респондентов, а 64 % – на регулярной основе, средний показатель интенсивности участия – 2,84 балла.

Т а б л и ц а 1. Частота самостоятельного участия в подготовке к взаимодействиям (1-й уровень) и в практиках формального пересечения с другими людьми (2-й уровень), % от опрошенных⁸

Table 1. Frequency of participation in preparation for interactions (level 1) and in practices of formal intersection with other people (level 2), % of respondents

Частота участия / Frequency of participation	1-й уровень / Level 1	2-й уровень / Level 2		
	Подготовка к взаимодей- ствиям / Preparation for interaction	Решение текущих задач / Solving current problems	Посещение мест отдыха и развития / Visiting places of recreation	Прогулки / Walks
Никогда / Never	6	6	10	9
Раз в несколько лет / Once every few years	9	9	13	5
Несколько раз в год / Several times a year	11	21	26	10
Несколько раз в месяц / Several times a month	17	39	32	24
Несколько раз в неделю / Several times a week	29	18	14	26
Ежедневно / Daily	28	7	5	26
Всего / Total	100	100	100	100

3-й уровень (взаимодействия) – повседневные контакты с соседями, друзьями, членами семьи, сообществами, рассылка открыток в мессенджерах, телефонные и скайп-звонки, переписка по почте. Данный уровень участия замерялся через вопрос «Как часто Вы общаетесь лично или дистанционно (по телефону, почте, видеосвязи)?». При относительно высокой включенности в общение людей старшего возраста частота взаимодействия с разными субъектами различна (табл. 2). Закономерно, что чаще пожилые уральцы общаются с членами своей семьи и друзьями (около 90 %, причем почти 80 % регулярно), реже с соседями (71 %; 42 % регулярно), членами своих сообществ (59 %; 32 % регулярно), помогающими специалистами (социальными работниками) (50 %; 29 % регулярно).

⁸ Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами по материалам исследования.

Т а б л и ц а 2. **Частота взаимодействий (3-й уровень) и совместной деятельности (4-й уровень) с другими людьми, % от опрошенных**

T a b l e 2. **Frequency of interactions (level 3) and joint activities (level 4) with other people, % of respondents**

Частота участия / Frequency of participation	Семья / Family	Друзья / Friends	Соседи / Neighbors	Сообщества / Community	Специалисты заботы / Caregivers
<i>Частота общения с другими людьми (3-й уровень) / Frequency of communication with other people (Level 3)</i>					
Никогда / Never	10	9	29	41	50
Раз в несколько лет / Once every few years	4	5	11	6	9
Несколько раз в год / Several times a year	6	9	18	11	12
Несколько раз в месяц / Several times a month	11	18	21	18	15
Несколько раз в неделю / Several times a week	24	26	11	15	10
Ежедневно / Daily	45	33	10	9	4
Всего / Total	100	100	100	100	100
<i>Совместное посещение публичных мест для решения текущих задач (4-й уровень) / Joint visits to public places to solve current problems (Level 4)</i>					
Никогда / Never	20	29	48	45	49
Раз в несколько лет / Once every few years	13	14	14	10	10
Несколько раз в год / Several times a year	27	23	19	15	16
Несколько раз в месяц / Several times a month	24	22	12	18	17
Несколько раз в неделю / Several times a week	10	9	4	9	6
Ежедневно / Daily	6	3	3	3	2
Всего / Total	100	100	100	100	100
<i>Совместное посещение публичных мест для отдыха и развития (4-й уровень) / Joint visits to public places for recreation and development (Level 4)</i>					
Никогда / Never	22	19	53	45	54
Раз в несколько лет / Once every few years	14	14	15	9	11
Несколько раз в год / Several times a year	30	28	18	17	14
Несколько раз в месяц / Several times a month	25	26	11	19	17
Несколько раз в неделю / Several times a week	8	11	3	9	3
Ежедневно / Daily	1	2	0	1	1
Всего / Total	100	100	100	100	100

В среднем практиками повседневного взаимодействия 3-го уровня охвачены 78 % опрошенных в Свердловской области лиц 60 лет и старше (60 % регулярно). Средний показатель интенсивности – 2,77 балла.

4-й уровень (совместная деятельность) – спортивные игры, праздники, совместные покупки, отдых, походы в магазин, театр, церковь, на прогулку, ярмарку, фестиваль; совместный досуг, образование и развитие в семье, дружеском, соседском кругу, участие в клубной и кружковой работе, проектах, в том числе на базе социальных учреждений, домов культуры, творческих, спортивных сообществ, общественных организаций. Замер включенности в практики участия четвертого уровня осуществлялся с помощью блока вопросов о совместном посещении различных мест и учреждений с членами своей семьи, друзьями, соседями, членами сообществ. Чаще всего пожилые уральцы организуют совместную деятельность с семьей и друзьями (около 80 %), причем до 40 % регулярно (с семьей – чаще для решения текущих задач, с друзьями – для отдыха и развития) (табл. 2). Реже распространена совместная деятельность с членами сообществ (55 %, около 30 % регулярно), помогающими специалистами (46 %, более 20 % регулярно) и соседями (52 %, чаще для решения текущих задач). В среднем 63 % людей старшего возраста включены в практики совместной деятельности с ближайшим окружением, а 31 % делают это не реже раза в месяц. Средний показатель интенсивности – 1,58 балла.

5-й уровень (помощь другим) – волонтерская работа, участие в качестве организатора, консультанта, выступающего, актера в выставках, форумах, акциях; опекунов, забота о близких (по видам помощи: материальная, физическая, бытовая, в том числе решение проблем, уход и забота, помощь в обучении, моральная поддержка).

Наиболее распространена моральная поддержка: в среднем ее оказывают кому-либо 73 % опрошенных. Помогаящие инициативы направлены в первую очередь на семью и друзей, реже на соседей и сообщества (табл. 3). В среднем 61 % лиц старшей возрастной группы вовлечены в различные практики помощи другим, 28 % делают это регулярно. Средний показатель интенсивности – 1,50 балла.

Таблица 3. Частота участия в помогающих практиках (5-й уровень), в % от опрошенных
Table 3. Frequency of helping practices (level 5), in % of respondents

Частота участия / Frequency of participation	Семья / Family	Друзья / Friends	Соседи / Neighbors	Сообщества / Community	Специалисты заботы / Caregivers
1	2	3	4	5	6
<i>Финансовая, материальная помощь / Financial and material support</i>					
Никогда / Never	14	22	39	53	41
Раз в несколько лет / Once every few years	8	18	20	12	17
Несколько раз в год / Several times a year	25	28	21	16	24
Несколько раз в месяц / Several times a month	25	21	14	13	14
Несколько раз в неделю / Several times a week	12	8	3	4	2
Ежедневно / Daily	16	3	3	2	2
Всего / Total	100	100	100	100	100

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6
<i>Физическая, трудовая помощь / Physical, labor support</i>					
Никогда / Never	20	23	40	52	49
Раз в несколько лет / Once every few years	10	14	20	13	17
Несколько раз в год / Several times a year	20	30	21	18	19
Несколько раз в месяц / Several times a month	22	26	14	12	11
Несколько раз в неделю / Several times a week	12	5	3	3	2
Ежедневно / Daily	16	2	2	2	2
Всего / Total	100	100	100	100	100
<i>Моральная поддержка / Moral support</i>					
Никогда / Never	11	8	27	45	46
Раз в несколько лет / Once every few years	6	9	14	9	13
Несколько раз в год / Several times a year	10	16	22	15	18
Несколько раз в месяц / Several times a month	21	34	23	17	15
Несколько раз в неделю / Several times a week	21	17	9	9	4
Ежедневно / Daily	31	16	5	5	4
Всего / Total	100	100	100	100	100

6-й уровень социального участия (вклад в общество) включает политическое и гражданское участие; территориальное общественное самоуправление; координацию уличных комитетов, участие в организации субботников, акций, публичных мероприятий, обсуждений в целях решения текущих общественных вопросов и проблем, благоустройства территорий. Включенность в практики социального участия данного уровня замерялась по ответам респондентов на вопрос «Как часто Вы принимаете участие в работе комитетов, комиссий, публичных обсуждений, в общении с властью, партнерстве с социальными службами, НКО, иными организациями в целях решения текущих общественных вопросов и проблем людей и сообществ, города, страны (вне личных интересов и интересов близкого окружения)?». В целом хотя бы изредка принимали участие в названных практиках 59 % уральцев старше 60 лет, практически каждый четвертый (23 %) – несколько раз в год, а 19 % – регулярно (несколько раз в месяц, неделю и чаще). Средний показатель интенсивности вклада в общество составляет 1,24 балла.

В оценке включенности пожилых уральцев в практики участия можно заметить, что с каждым уровнем происходит снижение, особенно резкое при переходе к публичным, формальным практикам, когда участие требует выйти из зоны повседневной, замкнутой личной жизни. Лишь часть людей пожилого возраста находит смысл и возможность самореализации в публичных пространствах и отношениях. Большинство предпочитает включаться в неформальные практики

участия, причем для некоторых это становится мнимой «зоной комфорта», добровольной изоляции, которая негласно поддерживается институциональной и социальной средой.

Представляет интерес анализ факторов, определяющих интенсивность социального участия уральцев «серебряного» возраста (табл. 4). На практики всех уровней оказывает влияние место проживания. Так, у городских пожилых людей интенсивность социального участия всех уровней, кроме гражданской активности, выше, что подтверждают данные зарубежных исследований [30]. На интенсивность участия всех уровней без исключения оказывает статус проживания (самостоятельно или в стационарном учреждении), наличие семьи и частота использования интернета. Фактор пола значим для участия третьего уровня, где женщины проявляют больше активности.

Таблица 4. Факторы, связанные с интенсивностью участия на каждом уровне
Table 4. Factors related to intensity of participation at each level

Факторы / Factors	1-й уровень / Level 1	2-й уровень / Level 2	3-й уровень / Level 3	4-й уровень / Level 4	5-й уровень / Level 5	6-й уровень / Level 6
Пол* / Sex	+	+	+	+	+	-
	(0,084)	(0,119)	(0,250)	(0,133)	(0,171)	
Возраст* / Age	-	-	+	+	+	+
			(-0,083)	(-0,079)	(-0,187)	(-0,177)
Тип поселения* / Type of residence	+	+	+	+	+	-
	(-0,129)	(-0,139)	(-0,121)	(-0,087)	(-0,103)	
Образование* / Education	+	+	+	+	+	+
	(0,272)	(0,261)	(0,269)	(0,192)	(0,221)	(0,246)
Самооценка здоровья* / Self-rated health	+	+	+	+	+	+
	(0,268)	(0,261)	(0,209)	(0,250)	(0,311)	(0,196)
Отношение к помогающему поведению* / Attitude to assisting behavior	+	+	+	+	+	+
	(0,098)	(0,205)	(0,241)	(0,254)	(0,311)	(0,168)
Частота использования интернета* / Internet usage frequency	+	+	+	+	+	+
	(0,376)	(0,369)	(0,360)	(0,300)	(0,353)	(0,290)
Семейное положение и статус проживания** / Marital status and residence status	+	+	+	+	+	+

* Проверялись с помощью ранговой корреляции Спирмана, в скобках указан коэффициент корреляции, $p < 0,05$ / Validated using Spearman rank correlation, with correlation coefficient in parentheses, $p < 0,05$.

** Проверялись с помощью Н-теста Краскала – Уоллиса / Tested using the Kruskal-Wallis H-test.

Чем выше уровень образования, тем интенсивнее практики участия первого, второго, третьего и шестого уровней. Важен и фактор самооценки уровня здоровья. С увеличением возраста и ухудшением здоровья объективно снижается и активность участия почти во всех сферах жизнедеятельности, но это снижение не равномерно.

Обсуждение и заключение. Как показывает исследование, интеграция авторской методологии и подходов зарубежных ученых оказалась вполне корректной. Практики социального участия первого уровня реализуют ситуативно 94 % граждан старшего возраста Свердловской области, 74 % – регулярно. В формальные взаимодействия с другими (практики 2-го уровня) ситуативно включаются 94 % опрошенных, 64 % делают это на регулярной основе. Практиками социального участия 3-го уровня охвачены 78 % опрошенных, а регулярно поддерживают повседневные контакты с членами семьи, друзьями, соседями, сообществами в среднем 60 % респондентов. Практики социального участия 4-го уровня (совместной деятельности) присущи в среднем 63 % уральцев «серебряного» возраста, при этом треть опрошенных (31 %) делают что-либо совместно с другими не реже одного раза в месяц. Практики социального участия 5-го уровня характерны для 61 % респондентов, причем 28 % делают что-либо для других людей регулярно. В гражданское участие 6-го уровня ситуативно вовлекались 59 % пожилых уральцев, около четверти – регулярно.

Исследование показало, что социально-потребительское участие, характеризующееся деятельностью «для себя» (1-й уровень) и коллективное участие, направленное на социальную инклюзивность и самореализацию «вместе с другими» (2-й, 3-й и 4-й уровни) похоже и составляют основное содержание участвующей деятельности людей старшего возраста Свердловской области. Разрыв начинается при переходе к «помогающему» участию «для других», направленному на помощь и заботу (5-й уровень), где уровень включенности заметно ниже. Радикальный разрыв намечается при переходе к «гражданскому участию» (6-й уровень), где уровень низок.

Выявление факторов, влияющих на интенсивность практик разных уровней, показывает проблемные зоны, в которых востребованы меры активизации социального участия, профилактики и преодоления социального исключения пожилых граждан. Можно обозначить роль и возможности некоммерческого сектора. Региональная специфика Свердловской области обусловлена во многом структурой экономики и географическим положением. Регион расположен в рискогенной для сельского хозяйства климатической зоне, в нем небольшое число сельских населенных пунктов по сравнению с городами разных типов. С учетом малонаселенности этих поселений, территориальной отдаленности от регионального центра, а также выявленного в исследовании более низкого участия в практиках 1–5-го уровней важным видится проблематизация социальной исключенности пожилых, проживающих в сельской местности, и преодоления разрыва социальных связей. Еще одна проблемная зона – проживание пожилых в стационарных учреждениях, где явно снижается интенсивность социального участия всех уровней.

С учетом влияния на все уровни участия фактора использования интернета для региональных некоммерческих организаций открываются перспективы и возможности активизации участия пожилых граждан, проживающих за пределами крупных городов и в стационарных учреждениях. Наши результаты подтверждают социальную перспективность и ресурсность практик повышения цифровой грамотности старшего поколения [22] и выводы коллег о том, что

вовлечение пожилых в гражданскую активность способствует преодолению их социального исключения [31]. При этом практики помогающего поведения и гражданского участия должны формироваться в процессе научения и нарабатываться на основе продолжительного вовлечения с учетом трансгрессивности и кумулятивного накопления опыта участия. На наш взгляд, просоциально настроенные граждане «серебряного» возраста, имеющие высшее образование и опыт участия, выступают ресурсом развития некоммерческого сектора, формирования социального капитала в российских регионах [32], обогащения жизненного мира и повышения благополучия самой когорты пожилых уральцев. Ресурсом видится и потенциал самих старших и их вовлечение в неформальные семейные, соседские, дружеские практики, которые показали свою результативность в условиях пандемии [22; 23; 27; 31; 33].

В целом выявление уровней и факторов социального участия пожилых жителей Свердловской области формирует доказательную информационную базу о процессах активного старения в одном, хотя и достаточно типичном российском регионе, что безусловно является определенным ограничением реализованного исследования. Однако предложенная методология задает перспективы дальнейших исследований, в том числе сравнительных, когда с инклюзивным подходом, ориентированным на изучение социального капитала «серебряной» общности, могут быть интегрированы и остальные, имеющие в своем арсенале методологический потенциал изучения и иных ее ресурсов.

Углубление представлений об уровневых характеристиках социального участия граждан «серебряного» возраста является важным инструментом в разработке и реализации политики, направленной на преодоление геронтологического эйджизма, создание инклюзивного и поддерживающего общества для всех его членов, уважения прав и достоинства старшего поколения. Понимание факторов, активизирующих разные практики социального участия в старшем возрасте, создает почву для разработки эффективных управленческих решений на уровне региональной власти и поддержки неформальных инициатив старшего поколения. Результаты позволяют обозначить также перспективы для регионального некоммерческого сектора, его роль в разработке и реализации социальной политики, управлении публичными ресурсами как среды, формирующей доверие, «исправляющей» цифровое неравенство между пожилыми и молодыми гражданами, продвигающей различные практики гражданского участия и программы поддержки социальной активности пожилых людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Relationship between Self-Rated Health and Objective Health Status: A Population-Based Study / S. Wu [et al.] // BMC Public Health. 2013. Vol. 13. Article no. 320. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-320>
2. Katagiri K., Kim J. H. Factors Determining the Social Participation of Older Adults: A Comparison between Japan and Korea Using EASS 2012 // PLoS One. 2018. Vol. 13, no 5. Article no. e0194703. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194703>
3. Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная взрослость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 1. С. 258–262. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>

4. Саралиева З. Х. Ресурсное обеспечение отложенного старения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2023. № 4 (72). С. 92–101. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=12202> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Palmore E. B. Research Note: Ageism in Canada and the United States // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 2004. Vol. 19. Pp. 41–46. <https://doi.org/10.1023/B:JCCG.0000015098.62691.ab>
6. Palmore E. B. The Ageism Survey: First Findings // *The Gerontologist*. 2001. Vol. 41, issue 5. Pp. 572–575. <https://doi.org/10.1093/geront/41.5.572>
7. Григорьева И. А., Колосова Г. В. Социальные взаимодействия в системе долговременного ухода за пожилыми // *Успехи геронтологии*. 2021. Т. 34, № 6. С. 919–927. <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014>
8. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // *Социологический журнал*. 2012. № 4. С. 62–93. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/19> (дата обращения: 01.02.2024).
9. The Increasing Use of Theory in Social Gerontology: 1990–2004 / D. E. Alley [et al.] // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2010. Vol. 65B, issue 5. Pp. 583–590. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbq053>
10. Bukov A., Maas I., Lampert T. Social Participation in Very Old Age: Cross-Sectional and Longitudinal Findings from BASE // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2002. Vol. 57, issue 6. Pp. 510–517. <https://doi.org/10.1093/geronb/57.6.p510>
11. Scoping Study of Definitions of Social Participation: Update and Co-Construction of an Interdisciplinary Consensual Definition / M. Levasseur [et al.] // *Age and Ageing*. 2022. Vol. 51, issue 2. Article no. afab215. <https://doi.org/10.1093/ageing/afab215>
12. Types of Social Participation and Psychological Distress in Japanese Older Adults: A Five-Year Cohort Study / S. Amagasa [et al.] // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12, no 4. Article no. e0175392. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0175392>
13. Dehi A. M., Mohammadi-Shahboulaghi F. Social Participation of Older Adults: A Concept Analysis // *International Journal of Community Based Nursing and Midwifery*. 2020. Vol. 8, issue 1. Pp. 55–72. <https://doi.org/10.30476/IJCBNM.2019.82222.1055>
14. Fifty-Five Years of Research into Older People's Civic Participation: Recent Trends, Future Directions / R. Serrat [et al.] // *The Gerontologist*. 2020. Vol. 60, issue 1. Pp. e38–e51. <https://doi.org/10.1093/geront/gnz021>
15. Киенко Т. С. Социальное участие людей старшего возраста: подходы к анализу и инструменты оценки // *Социологическое обозрение*. 2023. Т. 22, № 2. С. 225–260. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-2-225-260>
16. Inventory and Analysis of Definition of Social Participation Found in the Aging Literature: Proposed Taxonomy of Social Activities / M. Levasseur [et al.] // *Social Science & Medicine*. 2010. Vol. 71, issue 12. Pp. 2141–2149. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.09.041>
17. Social Participation of Older People in Urban and Rural Areas: Canadian Longitudinal Study on Aging / C. A. Jones [et al.] // *BMC Geriatrics*. 2023. Vol. 23. Article no. 439. <https://doi.org/10.1186/s12877-023-04127-2>
18. Berry H. L., Rodgers B., Dear K. B. G. Preliminary Development and Validation of an Australian Community Participation Questionnaire: Types of Participation and Associations with Distress in a Coastal Community // *Social Science and Medicine*. 2007. Vol. 64, issue 8. Pp. 1719–1737. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2006.12.009>
19. Participation and Social Participation: Are they Distinct Concepts? / B. Piškur [et al.] // *Clinical Rehabilitation*. 2014. Vol. 28, issue 3. Pp. 211–220. <https://doi.org/10.1177/0269215513499029>
20. Социальная активность пожилых людей в современной России: гендерный аспект / Е. Н. Васильева [и др.] // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17, № 2. С. 44–47. URL: <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1199> (дата обращения: 01.02.2024).
21. Птицына Н. А. Освоение пожилыми людьми компьютерной грамотности: гендерный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 81–89. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=10610> (дата обращения: 01.02.2024).
22. Галкин К. А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта // *Журнал исследований социальной политики*. 2022. Т. 20, № 3. С. 377–392. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392>

23. Парфенова О. А., Петухова И. С. Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах // Социологические исследования. 2022. Т. 5, № 5. С. 71–80. <https://doi.org/10.31857/S013216250018704-7>
24. Кошарная Г. Б., Щанина Е. В. Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2019. Т. 19, № 3. С. 481–493. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493>
25. Осьмук Л. А., Незамаева О. Б. Социальная активность пожилых людей, проживающих в крупном городе: возможности и проблемы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 102–110. <https://doi.org/10.17223/1998863X/62/9>
26. Григорьева И. А., Парфенова О. А., Петухова И. С. Занятость и социальное исключение пожилых граждан (обзор европейских конференций) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 157–159. <https://doi.org/10.7868/S013216251805015X>
27. Щанина Е. В. Практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния, в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 138–161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702>
28. Гришина Е. Е., Цапура Е. А. Социальное обслуживание пожилых: что происходит и возможно ли развитие? // Власть. 2019. Т. 27, № 3. С. 145–154. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6433>
29. Григорьева И. А., Парфенова О. А. Роль НКО в развитии community care (общественной заботы) в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 1. С. 79–104. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/2321> (дата обращения: 01.02.2024).
30. Нгуен Х. Х. Социальная адаптация пожилых людей к цифровой трансформации общества: социологические исследования в Ханое и Хошимине (Вьетнам) // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 375–392. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.375-392>
31. Парфенова О. А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 119–135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580>
32. Панченко О. Л. Качество социального капитала региона как фактор развития гражданского общества (на примере некоммерческого сектора) // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 156–173. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.156-173>
33. Caregiving of Older Persons during the COVID-19 Pandemic in the Russian Arctic Province: Challenges and Practice / E. Golubeva [et al.] // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, issue 5. Article no. 2775. <https://doi.org/10.3390/ijerph19052775>

REFERENCES

1. Wu S., Wang R., Zhao Y., Ma X., Wu M., Yan X., He J. The Relationship between Self-Rated Health and Objective Health Status: A Population-Based Study. *BMC Public Health*. 2013;13:320. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-320>
2. Katagiri K., Kim J.H. Factors Determining the Social Participation of Older Adults: A Comparison between Japan and Korea Using EASS 2012. *PLoS One*. 2018;13(5):e0194703. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194703>
3. Grigorieva I.A., Parfenova O.A., Galkin K.A. Conference “Extended adulthood / Delayed Ageing in a Time of Post-Covid and Uncertainty”. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023;26(1):258–262. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>
4. Saraliyeva Z.H. Resource Support for Delayed Aging. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2023;(4):92–101. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=12202> (accessed 01.02.2024).
5. Palmore E.B. Research Note: Ageism in Canada and the United States. *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 2004;19:41–46. <https://doi.org/10.1023/B:JCCG.0000015098.62691.ab>
6. Palmore E.B. The Ageism Survey: First Findings. *The Gerontologist*. 2001;41(5):572–575. <https://doi.org/10.1093/geront/41.5.572>

7. Grigorieva I.A., Kolosova G.V. Social Interactions in Long-Term Care. *Advances in Gerontology*. 2021;34(6):919–927. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014>
8. Rogozin D.M. Liberalization of ageing, or labor, knowledge and health in old age. *Sociological Journal*. 2012;(4):62–93. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/19> (accessed 01.02.2024).
9. Alley D.E., Putney N.M., Rice M., Bengtson V.L. The Increasing Use of Theory in Social Gerontology: 1990–2004. *The Journals of Gerontology: Series B*. 2010;65B(5):583–590. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbq053>
10. Bukov A., Maas I., Lampert T. Social Participation in Very Old Age: Cross-Sectional and Longitudinal Findings from BASE. *The Journals of Gerontology: Series B*. 2002;57(6):510–517. <https://doi.org/10.1093/geronb/57.6.p510>
11. Levasseur M., Lussier-Therrien M., Biron M.L., Raymond É., Castonguay J., Naud D., et al. Scoping Study of Definitions of Social Participation: Update and Co-Construction of an Interdisciplinary Consensual Definition. *Age and Ageing*. 2022;51(2):afab215. <https://doi.org/10.1093/ageing/afab215>
12. Amagasa S., Fukushima N., Kikuchi H., Oka K., Takamiya T., Odagiri Y., Inoue S. Types of Social Participation and Psychological Distress in Japanese Older Adults: A Five-Year Cohort Study. *PLoS ONE*. 2017;12(4):e0175392. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0175392>
13. Dehi A.M., Mohammadi-Shahboulaghi F. Social Participation of Older Adults: A Concept Analysis. *International Journal of Community Based Nursing and Midwifery*. 2020;8(1):55–72. <https://doi.org/10.30476/IJCBNM.2019.82222.1055>
14. Serrat R., Scharf T., Villar F., Gómez C. Fifty-Five Years of Research into Older People's Civic Participation: Recent Trends, Future Directions. *The Gerontologist*. 2020;60(1):e38–e51. <https://doi.org/10.1093/geront/gnz021>
15. Kienko T.S. Social Participation of the Elderly: Approaches to Analysis and Assessment Tools. *Russian Sociological Review*. 2023;22(2):225–260. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-2-225-260>
16. Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory and Analysis of Definition of Social Participation Found in the Aging Literature: Proposed Taxonomy of Social Activities. *Social Science & Medicine*. 2010;71(12):2141–2149. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.09.041>
17. Jones C.A., Jhangri G.S., Yamamoto S.S., Hogan D.B., Hanson H., Levasseur M., et al. Social Participation of Older People in Urban and Rural Areas: Canadian Longitudinal Study on Aging. *BMC Geriatrics*. 2023;23:439. <https://doi.org/10.1186/s12877-023-04127-2>
18. Berry H.L., Rodgers B., Dear K.B.G. Preliminary Development and Validation of an Australian Community Participation Questionnaire: Types of Participation and Associations with Distress in a Coastal Community. *Social Science and Medicine*. 2007;64(8):1719–1737. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2006.12.009>
19. Piškur B., Daniëls R., Jongmans M.J., Ketelaar M., Smeets R.J., Norton M., Beurskens A.J. Participation and Social Participation: Are They Distinct Concepts? *Clinical Rehabilitation*. 2014;28(3):211–220. <https://doi.org/10.1177/0269215513499029>
20. Vasilyeva E.N., Skobelina N.A., Nikolenko N.A., Dulina N.V. Social Activity of Elderly People in Modern Russia: Gender Aspect. *Logos et Praxis*. 2018;17(2):44–47. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1199> (accessed 01.02.2024).
21. Ptitsyna N.A. Computer Literacy Acquisition by the Elderly: Gender Perspective. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2018;(4):81–89. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=10610> (accessed 01.02.2024).
22. Galkin K. Digitalization of Older People's Volunteering during the Pandemic: Opportunities and Barriers of the Artificial Intelligence. *The Journal of Social Policy Studies*. 2022;20(3):377–392. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392>
23. Parfenova O., Petukhova I. COVID-19 Pandemic Impact on Older People in Urban and Rural Contexts. *Sociological Studies*. 2022;(5):71–80. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250018704-7>
24. Kosharnaya G.B., Schanina E.V. Deprivation Factors for the Elderly in the Social-labor Sphere: A Regional Aspect. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;19(3):481–493. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493>

25. Osmuk L.A., Nezamaeva O.B. Social Activity of Elderly People Living in a Large City: Opportunities and Challenges. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2021;(62):102–110. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/62/9>
26. Grigorieva I.A., Parfenova O.A., Petukhova I.S. Employment and Social Exclusion of Elderly Citizens (Review of the European Conferences). *Sociological Studies*. 2018;(5):157–159. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7868/S013216251805015X>
27. Shchanina E.V. Behavioral Practices of Senior Citizens Aimed at Improving Their Well-Being in Contemporary Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(2):138–161. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702>
28. Grishina E.E., Tsatsura E.A. Social Service for the Elderly: What Is Happening and Is Development Possible? *The Authority*. 2019;27(3):145–154. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6433>
29. Grigoryeva I., Parfenova O. The Role of NGOs in the Development of Community Care in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(1):79–104. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/2321> (accessed 01.02.2024).
30. Nguyen H.H. Social Adaptation of the Elderly to Digital Transformation of Society: The Sociological Research in Hanoi Capital and Ho Chi Minh City (Vietnam). *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):375–392. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.375-392>
31. Parfenova O.A. Engaging Older People in Volunteering and Civic Activities As a Tool to Overcome Social Exclusion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(4):119–135. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580>
32. Panchenko O.L. Quality of Social Capital of a Region as a Factor in the Development of Civil Society (the Case Study of the Non-Profit Sector). *Russian Journal of Regional Studies*. 2019;27(1):156–173. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.156-173>
33. Golubeva E., Emelyanova A., Kharkova O., Rautio A., Soloviev A. Caregiving of Older Persons during the COVID-19 Pandemic in the Russian Arctic Province: Challenges and Practice. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022;19(5):2775. <https://doi.org/10.3390/ijerph19052775>

Об авторах:

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3591-1181>, Researcher ID: E-4080-2014, Scopus ID: 57200641582, m.v.pevnaya@urfu.ru

Шуклина Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6478-4332>, Researcher ID: E-6113-2014, Scopus ID: 6603641875, e.a.shuklina@urfu.ru

Киенко Татьяна Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-2322>, Researcher ID: A-3828-2017, Scopus ID: 57190946503, tskienko@sfned.ru

Заявленный вклад авторов:

М. В. Певная – сбор, обработка, систематизация и интерпретация полученных результатов; изучение статистических материалов; структурирование и анализ результатов; подготовка текста статьи.

Е. А. Шуклина – проведение критического анализа материалов; интерпретация полученных результатов; подготовка текста статьи.

Т. С. Киенко – постановка научной проблемы; формулирование научной гипотезы исследования; определение методологии исследования; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

About the authors:

Maria V. Pevnaya, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (29 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3591-1181>, Researcher ID: E-4080-2014, Scopus ID: 57200641582, m.v.pevnaya@urfu.ru

Elena A. Shuklina, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Professor of the Chair of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (29 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6478-4332>, Researcher ID: E-6113-2014, Scopus ID: 6603641875, e.a.shuklina@urfu.ru

Tatiana S. Kienko, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Social Technologies Chair, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-2322>, Researcher ID: A-3828-2017, Scopus ID: 57190946503, tskienko@sfedu.ru

Contribution of the authors:

M. V. Pevnaya – collection, processing, systematization and interpretation of the obtained results; study of statistical material; structuring and analysis of the results; preparation of the text of the article.

E. A. Shuklina – conducting a critical analysis of materials; interpretation of the results obtained; preparation of the text of the article.

T. S. Kienko – staging a scientific problem; formulation of the scientific hypothesis of the study; definition of research methodology; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 04.04.2024; revised 13.05.2024; accepted 23.05.2024.